

Проблема формирования солидарности в экономике солидарности*

The Problem of Solidarity Formation in the Solidarity Economy

А. СТОЛЕТОВ, Р. ЛУКМАНОВА

Столетов Анатолий Игоревич, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин факультета агротехнологий и лесного хозяйства ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет». ORCID: 0000-0001-7914-2500. E-mail: aistoletov@gmail.com

Лукманова Раушания Хусаиновна, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». ORCID: 0000-0002-7549-9358.

E-mail: lukmanovark@mail.ru

Экономика солидарности как реакция на кризис глобальных форм экономического капитализма ставит проблему природы своей солидарности. Социально-философский анализ с применением системно-структурного подхода позволил раскрыть существенные особенности этой солидарности: она возникает в сообществах социального порядка открытого типа с малой дистанцией власти и открытыми элитами; предполагает приоритет неформальных институциональных структур перед формальными, связана с доверием к другим членам сообщества и заботой о нуждающихся в помощи; имеет рефлексивный характер и сетевую структуру; требует правильно настроенной системы высшего образования с акцентом на креативности интенсивного типа, направленной на этические и смысловые аспекты субъекта.

Ключевые слова: солидарность, экономика солидарности, социальная солидарная экономика, ценности, информационно-коммуникационные технологии.

The concept of economic solidarity, as a response to the global forms of economic capitalism, raises the question of the nature of the solidarity it espouses. A sociological and philosophical analysis employing a systemic and structural approach has revealed the essential characteristics of this solidarity. Such forms of solidarity emerge within open-type social orders where authority is distributed widely and elites are accessible. This indicates that informal institutional structures have precedence over formal ones. This is contingent upon a sense of trust in other members of the community and a willingness to provide assistance to those in need. It is a reflexive and networked phenomenon. A properly configured system of higher education is required, with an emphasis on intensive creativity type, which focuses on the ethical and conceptual aspects of the individual.

Keywords: solidarity, solidarity economy, social solidarity economy, values, information and communication technologies.

Основные положения

1. Сообщества, способные породить экономические формы экономики солидарности, представляют собой социальный порядок открытого типа, с малой дистанцией власти, открытыми элитами.
2. Солидарность экономики солидарности предполагает приоритет неформальных институциональных структур перед формальными, принципов доверия и заботы о нуждающихся в поддержке перед приоритетами потребления, прибыли и индивидуального успеха. С точки зрения классификации Я. Капеллера и Ф. Волькенштайна это рефлексивная солидарность с приоритетом этики разума.
3. Сближению и объединению сообщества способствуют современные коммуникационные технологии, позволяя создавать необходимое социотехническое пространство при условии приоритета принципов, указанных во втором пункте. Сетевая коммуникация позволяет облегчить создание культурного капитала сообщества.

* Ссылка на статью: Столетов А.И., Лукманова Р.Х. Проблема формирования солидарности в экономике солидарности // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 5. С. 4–11. DOI: 10.34773/EU.2024.5.1.

4. Необходима правильно настроенная система высшего образования, позволяющая формировать ценностный и поведенческий фундамент рефлексивной солидарности и корректировать экстенсивный характер технологической культуры, усиливая присутствие креативности интенсивного типа, акцентированной на этике и смыслах.

5. Легче всего институты экономики солидарности создаются в более однообразной культурной среде с меньшим этническим, религиозным и т.п. разнообразием, но могут возникать и в разнородных сообществах при наличии перечисленных выше условий, рождаясь в кризисных местах социокультурного пространства глобальной системы.

Введение

Изменения в структуре современного общества затрагивают всю структуру социальной системы: от личностного уровня до уровня социальных институтов, стран и планетарного сообщества. Проявляются эти изменения и на уровне одного из базовых социальных институтов – в экономике. Технологическое развитие привело не только к интеграции разных регионов и усилению глобальных процессов, но и к проявлению и усилению слабостей рыночной экономики. Очевидно увеличение разрыва в развитии регионов, несмотря на усилия международного сообщества. С другой стороны, изменения в технологическом укладе активизируют институциональные изменения, о которых писали еще как о перспективах многие современные авторитетные исследователи [5; 9; 18]. Мануэль Кастельс и ряд специалистов полагают, что кризис глобального капитализма является не только финансовым (или даже экономическим) кризисом, а системным кризисом цивилизации, основанной на информационных технологиях, трансформирующих институциональную структуру и культурные основания [25].

На фоне трансформации социальных структур постепенно зарождаются новые типы организации и в экономической сфере. Последние годы одним из трендов стала экономика солидарности (солидарная экономика, социальная экономика, социальная солидарная экономика), предполагающая ряд принципов, отличных от экономических оснований существовавшего в прошлом веке порядка. Один из основоположников этого подхода – Маркос Арруда – полагал, что перед экономикой нашего времени встает, с одной стороны, объективная проблема: как в контексте системы, ориентированной на неограниченный рост потребления и производства, экономики компаний как «юридических лиц», «фынка» и прибыли, построить экономику, ориентированную на планирование потребления и производства, связанную с потребностями и желаниями людей и сообществ? С другой, существует субъективная сложность: как осуществить внутреннюю трансформацию людей в их знании о смысле личной и общественной жизни под давлением патриархальной культуры эгоизма, высокомерия и жадности? [24] Иными словами, под экономикой солидарности можно понимать такие формы организации производства, распределения товаров и управления, которые образуются в рамках глобализованного общества на региональном уровне на основании приоритета ценностей жизни и целей конкретных работников и окружающей природы перед ценностями компаний, прибылей и потребления и принципов самоорганизации, сотрудничества и солидарности.

В настоящее время активно растет количество исследований, посвященных различным аспектам экономики солидарности, как в зарубежной, так и русскоязычной сфере. Часть исследователей полагает, что ключевым аспектом является первая из проблем, обозначенных бразильским ученым, и прорабатывает юридические вопросы новых форм экономической организации [3, 4, 11], сами эти формы и области взаимодействия [6, 23, 24, 26, 27, 29]. Влияние информационно-коммуникационных технологий на сообщество, действующее в рамках таких коопераций, также вызывает закономерный интерес [13; 19; 20; 27].

Вместе с тем, формированию новой культуры, лежащей в основании новой экономики уделяется меньше внимания, поскольку этот процесс выходит далеко за рамки собственно экономического взаимодействия субъектов. В некоторой степени этот аспект затрагивается в работе А.А. Подгайко [14], Г. Моргана и В. Пулиньяно [28] и методологической статье Р. Запата-Барреро [30]. Таким образом, можно обнаружить некий «провал» в понимании того, как и

почему формируется та самая солидарность, которая фундирует организационно структуру экономики солидарности.

Методы

Обращение к такого рода проблеме предполагает социально-философский подход, поскольку солидарность как свойство социума предполагает наличие определенной системы ценностей и уровня культуры. Учитывая, что современное общество неотделимо от технологической стороны и инноваций, социально-философский подход должен быть дополнен системно-структурным, ибо сегодня культурные трансформации, как и формирование ценностей, тесно связаны с технологическими изменениями социокультурной среды. В связи с этими установками был проработан массив источников, имеющих отношение к смежным областям экономики, менеджмента и социальных процессов. Методологически полезными в исследовании проблемы были концепция «культурной колеи», разрабатываемая в российской науке экономистом А.А. Аузаном, концепция обществ открытого типа, выдвинутая Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом, концепция типов креативности А.И. Столетова.

Обсуждение

Развитие и формирование глобализированного общества оказало неоднозначное воздействие на культурные институты, в рамках которых формируются коллективные ценности и состояние солидарности. Перемешивание культур, вызванное массовым переселением людей из неблагоприятных в экономическом или политическом отношении регионов в благополучные страны, а также процесс вестернизации создают множество точек напряженности, разрывающих ткань социума, сводя в одном пространстве противоположные ценностные системы. Концепция мультикультурализма оказалась неспособна разрешить эту напряженность, что хорошо видно на примере столкновений мигрантов с местным населением в Западной Европе, Северной Америке, России. Представители других культур далеко не всегда стремятся интегрироваться в новое для себя общество. Над осознанием солидарности до сих пор довлеет представление о ней как о некоторой гомогенной по природе структуре. Но нельзя не согласиться, как заметил Рикард Запата-Барреро, что сегодня в сверхразнообразных и транснациональных обществах солидарность испытывает реальные трудности с тем, чтобы оставаться в рамках национально-государственной парадигмы [30, 354]. Поэтому сложность заключается в том, чтобы объяснить, как при таком этническом, религиозном сверхразнообразии между культурно разными группами может возникать солидаризация, необходимая для эффективной самоорганизации и сотрудничества.

Другой сложный момент солидарности в экономике солидарности – то, что, кажется, для солидарного сотрудничества солидарность уже необходима, и потому солидарность представляется изначально невозможной в сообществах, отличающихся культурным сверхразнообразием, поскольку для ощущения социального и ценностного единства требуется достаточно длительное время, в течение которого происходит адаптация несходных систем ценностей и социальных матриц поведения, объединение их в символический универсум. Но темпы изменений в социокультурной среде из-за технического прогресса и объемов миграции сегодня таковы, что этого времени часто не хватает. Эта нехватка увеличивает разрыв не только между этнокультурными сообществами, но и между поколениями.

Еще одним «слабым местом» формирования солидарности в современных условиях является природа ее технологического уклада. Общество, делающее акцент на технологических инновациях, оказывается неразрывно связанным с экстенсивным типом креативности, который лежит в основании технического творчества. Как показал ряд исследований, создание средств для увеличения комфорта и материального благополучия, ускорение коммуникативных процессов являются сильной стороной этой креативности. Но ценностные, этические аспекты, неразрывно связанные с экзистенциальной коммуникацией и осмысленностью жизни, в этом типе креативности редуцированы – в отличие от креативности интенсивного типа [9; 17, 49–52; 18, 60–64]. Мы далеки от мысли, что технологии этически нейтральны, поскольку любая

технология создается субъектом, и «отделить» его мировоззренческие уровни от процесса технического или научного творчества просто невозможно. Тем более, что инновация – это не просто открытие нового способа достижения целей, но и решение с помощью этого способа социально значимых проблем. Тем не менее, в силу неопределенности самого процесса создания нового этические и экзистенциальные аспекты часто остаются на дальней периферии усилий инноватора. Психологические исследования демонстрируют, как от поколения к поколению на протяжении последних 50 лет меняется матрица поведения и восприятия мира. Как хорошо заметил по этому поводу в работе «Пауза созерцания» Григорий Померанц, «тинэйджер, овладевший компьютером, считает себя намного умнее деда, пишущего авторучкой. Мир изменился, каждые пять лет он другой, и все старое сбрасывается с корабля современности. Растут миллиарды людей, для которых святыни, открывшиеся малограмотным пастухам, не стоят ломаного гроша. Полчища смердяковых, грядущие гунны, тучей столпились над миром. И они в любой день готовы пойти за бен Ладеном или Баркашовым» [15].

Доминирование в социальной системе экстенсивной креативности, акцентированной на освоении окружающего пространства в ущерб внутреннему пространству субъекта, является одной из важных причин формирования общества потребления и увеличения социальной атомизации. Возможно ли преодолеть в техногенном обществе с его экспоненциально растущей материально-технической областью это доминирование и сбалансировать экстенсивную креативность с интенсивной, чтобы вернуть в жизнь «паузу созерцания», а человеку – осмысленность жизни? Такая возможность, безусловно, существует. Таким средством становится сама технология, когда она перестает быть самоцелью. Джон Нейсбитт показывает, как высокая технология может порождать глубокую гуманность: «Мы пришли к пониманию того, что потребительская технология может быть понята через призму игры и времени, а генные технологии могут быть лучше всего поняты через гуманистическую призму линзу религии и искусства... С переходом от сельскохозяйственного общества к индустриальному работа была удалена из дома и семей. Однако сегодня информационные технологии во все большей степени позволяют соединить работу и дом, хотя и совершенно иным способом» [10, 335–336]. Еще Э. Тоффлер заметил, что технологическое развитие порождает «производителя-потребителя» (prosumer) – субъекта, производящего товар или услугу не столько для продажи, как это характерно для рыночной экономики, сколько для собственного употребления [16, 429–465, 610–614]. Такой характер субъекта и деятельности хорошо коррелирует с экономикой солидарности, основанной на деятельности локальных сообществ, обеспечивающих самостоятельно удовлетворение собственных потребностей.

В современном мире часто именно высокие технологии и социальные сети становятся пространством (платформой), где зарождается и развивается солидарность, если используется ради гуманистических, в первую очередь, а не чисто утилитарных или экономических целей. Об этом свидетельствует ряд примеров из жизни сообществ Детройта и Флинта [24], Лондона [27], Остина [191, 66–69], индийской провинции и шотландского Портобелло [26].

Важно, что солидарность в экономических отношениях нового типа обладает амбивалентностью и коррелирует с принципом дополнительности, предложенным в квантовой механике Нильсом Бором. Иными словами, солидарность в экономике солидарности, с одной стороны, присутствует как потенциал изначально, ибо невозможно ощущать единство без осознания взаимного доверия к членам сообщества и наличия общих жизненно значимых целей. С другой стороны, солидарность вырастает и укрепляется именно в ходе совместной деятельности на основании осознания общих целей и задач. Она зачастую рождается из мелких инициатив и горизонтальных повседневных связей и практик в «разломах» существующей системы глобального капитализма [26, 31], из инициатив, переплетающихся между собой снизу вверх и становящихся частью более масштабного явления, когда практики совместной деятельности, основанной на заботе и доверии, а не материальном вознаграждении, создают слои социотехнической инфраструктуры, поскольку связи между людьми становятся столь же важными, как и вещи, которыми они владеют [27]. Для такого альтернативного социального пространства в исследованиях

последних лет используется термин *nowtopia*, довольно удачно отражающий характерные особенности социальной онтологии солидарности, которая существует «здесь и сейчас», в текущем моменте со-бытия, и не гарантирована никакими структурами, отражая текучий характер современности, в соответствии с термином З. Баумана – *liquid modernity*.

Поскольку в солидарности как соучастии в едином социальном хронотопе сочетаются рациональный и эмоциональный аспект, возникает вопрос: что важнее для солидарности в экономике солидарности? Я. Капеллер и Ф. Волькенштайн полагают, что основным фактором, определяющим форму солидарности, является отношение к свободе и степень разумности поведения. Для рефлексивной солидарности, по их мнению, характерна ведущая роль разума и чувство сострадания, что восходит к кантовской этической традиции [25]. Не удивительно, что жесткая социальная структура, создающая солидарность, основанную на лояльности и приоритете эмоций, не только несовместима с солидарностью рефлексивной, но и подавляет альтернативные экономические формы, как показано в работах Ю.В. Иванчиной [7], Ш. Ховелл, М.Д. Доана и А. Харбин [24] или книге Дж. Хейманса и Г. Тиммса на примере компаний NASA, Uber и платформы Reddit [19].

Итак, чтобы институты экономики солидарности работали эффективно, необходимо социокультурное основание, часть элементов которого показана выше. Как отмечает А.А. Аузан со ссылкой на фундаментальное исследование Д. Норта [12] и некоторые другие, связь экономических процессов с институциональными и культурными факторами была обнаружена довольно давно [1]. Для нашего исследования важно, что аналогом культурного капитала (объединяющих ценностных установок и поведенческих матриц), влияющего на экономические процессы на макроуровне, на микроуровне является корпоративная культура, успешность которой зависит не от конкретных характеристик, а от продуктивности их использования [2, 52]. Но экономика солидарности противостоит корпоративным институтам, поэтому, вероятно, корпоративность культуры несвойственна сообществам в формате экономической солидарности в той же степени, как корпорациям, и для них более значимы факторы, характерные для неформальных институтов: доверие, забота, дружба, этническая принадлежность, религиозные убеждения. Возникновение доверия, дружбы, заботы в моноэтнических, монорелигиозных сообществах не представляет особой проблемы в силу того, что они обладают единым культурным базисом. Неслучайно первые формы экономики солидарности возникали в Латинской Америке, где приток мигрантов в течение последних трех десятков лет был выражен не так ярко, как, например, в экономически и политически благополучных странах Западной Европы и Северной Америки.

Но как возможно возникновение доверия, дружбы, заботы в полиэтнических и полирелигиозных сообществах современных мегаполисов, где в последние десятилетия наблюдается большой наплыв мигрантов, приводящий к формированию этнически и религиозно разнородного общества? Действительно, в таких условиях в последние годы наблюдается резкий рост межкультурной напряженности между новой волной релокантов и местным населением. Возникновение солидарности в экономике солидарности, на наш взгляд, возможно в связи с тремя факторами. Первый из них – достаточное время. Для создания нового культурного пространства (капитала) должно пройти достаточно времени, чтобы возникли неформальные социальные связи, основанные на личных знакомствах и единых для сообщества проблемах и целях.

Второй фактор – достаточно развитая социотехническая инфраструктура. Социальные сети, позволяющие обмениваться информацией и соединяющие пользователей более эффективно, чем это было при прежнем технологическом укладе, создающие то, что сегодня называют сетевой солидарностью, способны стать катализатором, запускающим и ускоряющим возникновение нового культурного капитала.

Третий – это открытый характер социального порядка, в котором элиты создают законы для себя и распространяют на других; организации не умирают вместе с их создателями, а переживают их; инструменты насилия и власти находятся под коллективным контролем [1, 10].

В этом смысле все значимее становится роль высшего образования. «Серьезнейший инструмент социализации, создания ценностей и поведенческих установок – это университет...

Вот здесь ключи к социокультурным кодам, а не в начальной школе, не в профессиональной переподготовке. Здесь производится именно культура, а не только профессиональные компетенции» [2, 56]. Период обучения в вузе тем более важен, что хорошее образование формирует именно рациональную основу поведения в соответствии с природой рефлексивной солидарности, закладывая критическое мышление, вырабатывая иммунитет к сверхразнообразию, в котором приходится существовать современному человеку. Правильное образование формирует субъекта, который открыт к коммуникации, осознанию смысла жизни, поиску компромисса. Безусловно, эффективность этого формирования зависит от качества образовательного процесса и наличия серьезной гуманитарной составляющей, которая может выработать умение держать «паузу созерцания», скорректировать характер креативности в социальном пространстве и универсализировать ценностное пространство субъекта для усиления креативности интенсивного типа.

К сожалению, солидарность в современном обществе культурного сверхразнообразия сталкивается с массой сложностей. Одной из самых серьезных является платформенный характер современных средств коммуникации, который построен на алгоритмах, работающих уже достаточно автономно от человеческого субъекта и создающих множество «информационных пузырей», скорее мешающих, чем помогающих созданию рефлексивной солидарности. Манипулятивность сетевых технологий уже достаточно очевидна. Они апеллируют к эмоциональной сфере субъекта. Чтобы преодолеть эту зависимость и разобщение, необходима серьезная коррекция программной основы современных средств коммуникации.

Не является гарантией солидарности и развитая система высшего образования, которая долгое время формировалась под воздействием принципов общества потребления. Система образования – достаточно консервативный институт. Быстрое проникновение в эту систему высоких технологий само по себе не решает проблему смены принципов человеческого поведения. Ряд скандалов в университетской среде на почве расовых, этнических, гендерных, религиозных разногласий – яркое тому подтверждение.

Также текущие события показывают, что открытый социальный порядок при увеличении степени социальной поляризации может начать закрываться и приобретать элементы диктатуры, что противоречит природе экономики солидарности.

Выводы

Итак, мы обнаружили, что экономика солидарности, формирующаяся в ходе кризиса и трансформации общества глобального капитализма, тесно связана с определенным типом солидарности, который обладает рядом особенностей. Должен быть потенциал в виде социального порядка открытого типа, где дистанция между слоями сообщества низка, элиты открыты, а власть может быть распределена.

Солидарность, лежащая в основе экономики солидарности, предполагает приоритет неформальных институциональных структур перед формальными. Она связана с доверием к другим членам сообщества и заботой о тех, кто нуждается в помощи и поддержке. Новые принципы заменяют приоритет потребления, прибыли и индивидуального успеха и рождаются из осознанного свободного альтруистического выбора, а не эмоции лояльности и противопоставления «мы/они».

Источником и социотехническим пространством существования такой солидарности в наше время являются социально-сетевые платформы, при помощи технологий ускоряющие обмен информацией, способные при правильном использовании облегчить создание социального порядка открытого типа и сближение ценностных пространств.

Необходима правильно настроенная система высшего образования, позволяющая формировать ценностный и поведенческий фундамент рефлексивной солидарности и корректировать экстенсивный характер технологической культуры в сторону креативности интенсивного типа, акцентированной на этике и смысле.

Легче всего институты экономики солидарности создаются в более однообразной культурной среде с меньшим этническим, религиозным и т.п. разнообразием, но могут возникать и в разнородных сообществах при наличии перечисленных выше условий, рождаясь в кризисных местах социокультурного пространства глобальной системы.

Дальнейшие исследования в этой области, думается, должны быть направлены на такие аспекты, как характер и условия ценностного взаимодействия институтов экономики солидарности с государственными и транснациональными структурами, соотносимость ценностей общечеловеческого характера с локально-культурными в структуре солидарности экономики солидарности, влияние инновационного характера технологического развития на устойчивость солидарности, глобальные перспективы развития экономики солидарности.

Литература

1. Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
2. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 48–57.
3. Бабурин С.Н. Конституционное закрепление опыта русской экономики солидарности как основа евразийской межгосударственной интеграции // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2(51). С. 6–13.
4. Белицкая А.В. Экономическая солидарность как инструмент обеспечения баланса частных и публичных интересов в рыночной экономике // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 4. С. 8–11.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
6. Егоров В.Г., Иншаков А.А. Кооперация и социальная солидарная экономика // Постсоветский материк. 2021. № 4(32). С. 68–92. DOI: 10.48137/2311-6412_2021_4_68.
7. Иванчина Ю.В. Реализация функции социальной солидарности и компромисса в условиях административно-командной системы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 2. С. 39–43. DOI: 10.14529/law180207.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
9. Лукманова Р.Х., Столетов А.И. О трансформации понимания творчества в философии // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18, № 4. С. 1237–1243.
10. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: технологии и наши поиски смысла / пер. с англ. А. Н. Анваера. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 381 с.
11. Ниязова М.Ф. Современные модели участия государства в регулировании экономики: конституционно-правовой аспект // Юридический вестник. 2022. № 4(12). С. 26–33.
12. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
13. Орлов А.И. Солидарная цифровая экономика в глобальном тренде научно-технологического и инновационного развития // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2022. № 183. С. 314–330. DOI: 10.21515/1990-4665-183-030.
14. Подгайко А.А. Социальная солидарность как часть институциональной матрицы в экономике знаний // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 278–284. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-278-284.
15. Померанц Г. Пауза созерцания [Электронный ресурс]. URL: https://nowimir.ru/DATA/040031_1.htm?ysclid=lkx5lj7h7w737517444
16. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. ООО «Издательство АСТ», 2002. 776 с.

17. Столетов А.И. Сущность креативности и её типы // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 4(17). С. 43–52.
18. Столетов А.И. Творчество как основание личности. Уфа: БашГАУ, 2005. 228 с.
19. Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: Какие силы управляют миром - и как заставить их работать на вас. М.: Альпина Паблишер, 2019. 209 с.
20. Шарафуллина Р.Р. Солидарная экономика в контексте современных вызовов в цифровом мире // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 5(173). С. 16–20. DOI: 10.34773/EU.2023.5.3.
21. Arruda M. Economia Solidária Como Modo Pós-Capitalista De Desenvolvimento // Creatividade. 2014. № 02. DOI: 10.17771/PUCRio.CRE.23827.
22. Aftermath: The cultures of the economic crisis / ed. M. Castells, J. Caraça, G. Cardoso. Oxford: Oxford University Press, 2014. 315 p.
23. Gearey M., Ravenscroft N. The nowtopia of the riverbank: Elder environmental activism // Environment and Planning E: Nature and Space. 2019. Vol. 2. № 3. P.451–464. DOI: 10.1177/2514848619843733.
24. Howell S., Doan M.D., Harbin A. Detroit to Flint and Back Again: Solidarity Forever // Critical Sociology. 2019. Vol. 45. № 1. P. 63–83. DOI: 10.1177/0896920517705438.
25. Kapeller J., Wolkenstein F. The grounds of solidarity // European Journal of Social Theory. 2013. Vol. 16. № 4. P. 476–491. DOI: 10.1177/1368431013479689.
26. Kumar A., Taylor Aiken G. A Postcolonial Critique of Community Energy: Searching for Community as Solidarity in India and Scotland // Antipode. 2021. Vol. 53. № 1. P. 200–221. DOI: 10.1111/anti.12683.
27. Light A., Miskelly C. Platforms, Scales and Networks: Meshing a Local Sustainable Sharing Economy // Computer Supported Cooperative Work. 2019. Vol. 28. № 3-4. P. 591–626. DOI: 10.1007/s10606-019-09352-1.
28. Morgan G., Pulignano V. Solidarity at Work: Concepts, Levels and Challenges // Work, Employment and Society. 2020. Vol. 34. № 1. P. 18–34. DOI: 10.1177/0950017019866626.
29. Nascimento F.d. Social and solidarity economy and agroecology in family agriculture cooperatives in Brazil as a form of development of sustainable agriculture // CIRIEC-Espana Revista de Economia Publica, Social y Cooperativa. 2020. № 98. P. 189–211. DOI: 10.7203/CIRIEC-E.98.14161.
30. Zapata-Barrero R. Methodological interculturalism: breaking down epistemological barriers around diversity management // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42. № 3. P. 346–356. DOI: 10.1080/01419870.2019.1538527.